

Возвышенные и сдержанные слова стихир, тропарей, воспеваемые в безыскусной и строгой мелодии, создавали впечатление, достойное величественной мистерии, уводившей человека из мира обыденного в сферу высоких помыслов. Обетный образ, заказанный как поминовение по своей семье, близким людям, отражавший временные отношения между князем и церковью, в конечном итоге утрачивал частные связи, терял заданный ему событийный сюжет. Образ в целом приобретал значение непреходящей духовной ценности, символизируя собой воплощение подлинной реальности, вечный источник духовной жизни человека.

Икона как храмовый образ становилась непосредственной участницей литургии, иллюстрируя ее проповедальные акты, выступая символом премудрого апостольского учительства. В этой функции икона в полной мере отвечала византийскому порядку проведения литургии, установленному в глубокой древности, может быть, еще апостольскими постановлениями первых веков существования христианской церкви.

Изобразительные ряды на полях ее серебряного оклада свидетельствуют об особом порядке поминовения святых, характерного для XII в., продержавшегося в Новгороде в течение почти целого столетия, означавшего жизнеспособность и влияние княжеского рода по линии старших Мономаховичей. Этот порядок не был их изобретением, но в силу определенных условий он представляется отличительной чертой богослужения в новгородской церкви на данном этапе. Позднее он был забыт. Ритуал поминовения святых на литургии постепенно приобретал строгий иерархический чин. Но памятники изобразительного искусства XII—начала XIII в., подкрепленные текстами богослужебных книг, непреложно доказывают его существование в указанный период.

Е. М. ШВАРЦ

О ВИЗАНТИЙСКОМ ВЛИЯНИИ НА РУССКИЙ ПЕРЕПЛЕТ

Изучение русского кожаного переплета имеет в отечественном источниковедении сравнительно небольшую традицию. Все же благодаря трудам П. К. Симоны¹ и В. В. Калугина² мы располагаем конкретными представлениями о средневековой технике переплетного дела, а также достаточно полным терминологическим словарем, что

¹ *Симони П. К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. . . с XI по XVIII столетие включительно: Текст, материалы, снимки. СПб., 1903.

² *Калугин В. В.* Вопросы описания древнерусских обиходных переплетов: Словарь специальной лексики переплетного дела // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. С. 201—245.

весьма существенно для вспомогательной научной дисциплины. Больше других безусловно сделал для расширения наших знаний о русском переплете С. А. Клепиков. Его публикация мелких переплетных штампов — басм, а также некоторых распространенных схем их расположения на крышках переплетов до сих пор остается важнейшим и в сущности единственным пособием для археографов.³

Но, к сожалению, его попытки определить хронологические границы для бытования тех или иных типов тисненого переплета нельзя признать удачными. Обстоятельства же сложились так, что одна из таких попыток появилась в сборнике методических рекомендаций, изданном Археографической комиссией АН СССР,⁴ что стало причиной многочисленных погрешностей в датировках переплетов, допущенных в процессе подготовки Сводного каталога XI—XIII вв.⁵

Сводный каталог регистрирует 27 тисненых переплетов на русских рукописях, подходящих, насколько можно судить по кратким описаниям, под определение типа, названного С. А. Клепиковым поздним новгородским.⁶ Все они датированы так, что оказываются на два-три века моложе своих рукописей.⁷ Основным критерием датировки послужила четырехэтапная система С. А. Клепикова.⁸ Корректировка по признаку подлинности, «исконности» переплета для рукописи почти не проводилась, поскольку предложенные методическими рекомендациями характеристики — совпадение обреза крышек переплета с блоком книги и отсутствие шнурового крепления при остатках ременного⁹ — помогают только в весьма редких слу-

³ Клепиков С. А. Орнаментальные украшения переплетов конца XV—первой половины XVII в. в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Зап. ОР ГБЛ. 1960. Вып. 22. С. 57—73.

⁴ Клепиков С. А. Описания древних русских обиходных переплетов: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. С. 51—77.

⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. 406 с. — Далее: СК.

⁶ «Поверхность верхней и нижней досок (обтянутых телячьей кожей. — Е. Ш.). . . украшается сначала простым, а затем более сложным следым тиснением. . .» (Клепиков С. А. Описания. . . С. 52).

⁷ СК. № 5 (Эрм. 20, ГПБ), 31 (Чуд. 7, ГИМ), 62 (Рум. 198, ГБЛ), 92 (Соф. 206, ГПБ), 93 (ф. 381 Син. тип., № 122, ЦГАДА), 103 (ф. 381, № 145, ЦГАДА), 119 (М., 1832, ГБЛ), 129 (Чуд. 12, ГИМ), 140 (Соф. 32, ГПБ), 155 (ф. 381, № 130, ЦГАДА), 165 (Усп. 4 перг., ГИМ), 168 (ф. 381, № 147, ЦГАДА), 169 (ф. 381, № 148, ЦГАДА), 204 (Троицк. 23, ГБЛ), 206 (Рум. 199, ГБЛ), 218 (Соф. 385, ГПБ), 220 (Соф. 96, ГПБ), 223 (Нижольск. 1, БАН), 272 (ф. 381, № 93, ЦГАДА), 280 (ф. 381, № 106, ЦГАДА), 311 (Сол. 1017/1126, ГПБ), 315 (Усп. 8, ГИМ), 316 (Соф. 85, ГПБ), 335 (Волок. 1, ГБЛ), 427 (Q. п. I. 5, ГПБ), 454 (Соф. 382, ГПБ), 466 (ф. 381, № 38, ЦГАДА).

⁸ «1) Кон. XIV—нач. XV в. Иногда поверхность крышек пересекается диагональным тиснением. 2) Нач. XV—сер. XV в. Обе поверхности покрываются крупным ромбическим тиснением, на пересечении линий одна и та же розетка. 3) Сер. XV—кон. XV в. (нач. XVI в.). На верхней доске внешняя рамка из бордюрных басм, ватем из басм наполнения; внутреннее пространство заполняется басмами наполнения. 4) Нач. XVI—сер. XVI в. На нижней крышке появляется рамка из бордюрных басм» (Клепиков С. А. Описания. . . С. 55).

⁹ Клепиков С. А. Описания. . . С. 56.

чаях, когда старые доски использованы для реставрации младшей рукописи. Для более распространенного варианта, изготовления нового переплета взамен старого, пришедшего в негодность, они малоэффективны. Обрез досок вровень с блоком книги был присущ русскому переплету вплоть до второй половины XVI в., а ремennое крепление, особенно на рукописях новгородского происхождения, просто не было обязательным.

Применяя простейшее правило — подлинным является такой переплет, тетради которого сшивались лишь однажды,¹⁰ — мы обнаружили, что по крайней мере половина переплетов, указанных выше, прикреплялась к блоку книги только один раз и поэтому они могут считаться первоначальными. Поскольку рукописи ГБЛ и ГИМ почти недоступны для исследователей, в настоящей работе рассмотрены способы украшения следующих переплетов: ГПБ, Соф. 85, 206, 382; Q.п.1.5; БАН, Никольск. 1; ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 38, 93, 106, 122, 145, 148.¹¹ Схемы расположения элементов украшения см. на рис. 1.

Кожа, обтягивающая обе крышки переплетов ГПБ, Соф. 206 и ЦГАДА, ф. 381, № 148, покрыта диагональным тиснением, образующим ромбы и треугольники. Это соответствует существующим представлениям о раннем этапе бытования русского тисненого переплета, только рассматриваемые нами переплеты датируются не концом XIV—началом XV в., а XII в.

Тиснение переплетов БАН, Никольск. 1; ГПБ, Соф. 85; ЦГАДА, ф. 381, № 38, 93, 106, 122, 145 в общепринятую систему не укладывается. Во-первых, эти переплеты, как и сами рукописи, датируются XII, XIII и концом XIII—началом XIV в. (а не XV в.). Во-вторых, «крупное ромбическое тиснение» их крышек разнообразится и «одной и той же розеткой на пересечении линий», и басмами наполнения в центре треугольников, и, главное, бордюрными басмами, что системой С. А. Клепикова вообще не предусмотрено.

Верхние крышки переплетов ГПБ, Q.п.1.5 и Соф. 382 украшены тиснением, образующим рамки из бордюрных басм и вертикальные ряды симметрично расположенных басм наполнения внутри полей, созданных этими рамками. Это как будто соответствует определениям третьего этапа, но наши переплеты датируются не «серединой XV—концом XV (началом XVI) в.», а концом XIII—началом XIV в. Кроме того, датировка пергаменных рукописей, в соответствии с которой мы датируем и переплеты, настолько широка, что даты «XIII в.» и «конец XIII в.» не дают прочных оснований для выводов о поэтапной смене одних схем тиснения другими.

¹⁰ Пергаменные тетради из-за особенностей кожи не могут быть дважды сшиты по одним и тем же дыркам или «зарубкам» — ромбическим отверстиям для виток. Сведения получены от И. П. Мокрецовоу.

¹¹ Рукопись ЦГАДА, ф. 381, № 130 находится в реставрации и также недоступна для исследователей. На переплете ЦГАДА, ф. 381, № 147 сохранился небольшой фрагмент кожи, судить о характере тиснения затруднительно. У рукописей ГПБ, Соф. 32, 96, 385, Эрм. 20, Сол. 1017/1126 переплеты новые или сильно поновленные.

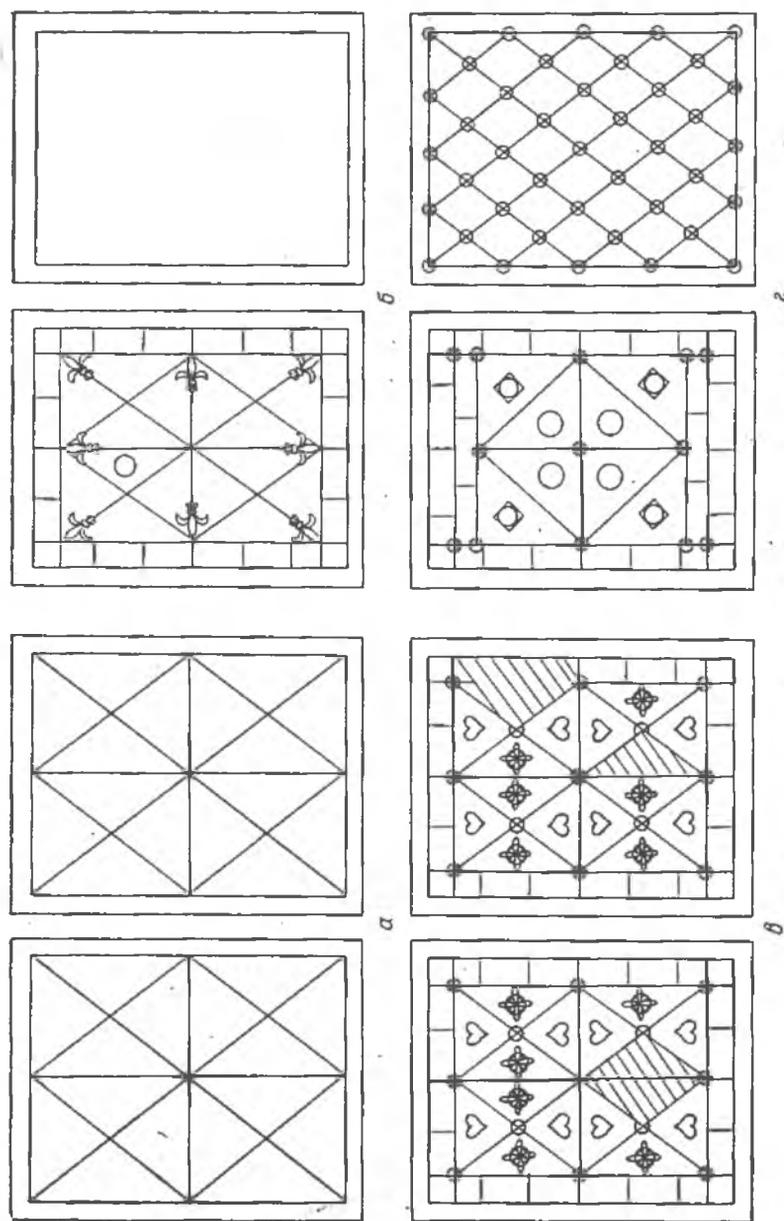

Рис. 1. Схемы тиснения русских перелетов XII—XIII вв.

а — ГТБ, Соф. 206 (XII в.); ЦГАДА, ф. 381, № 148 (XII—XIII вв.); б — ГТБ, Соф. 85 (XIII в.); в — БАН, Никольск. 1 (XIII в.); г — ЦГАДА, ф. 381, № 93 (XIII в.).

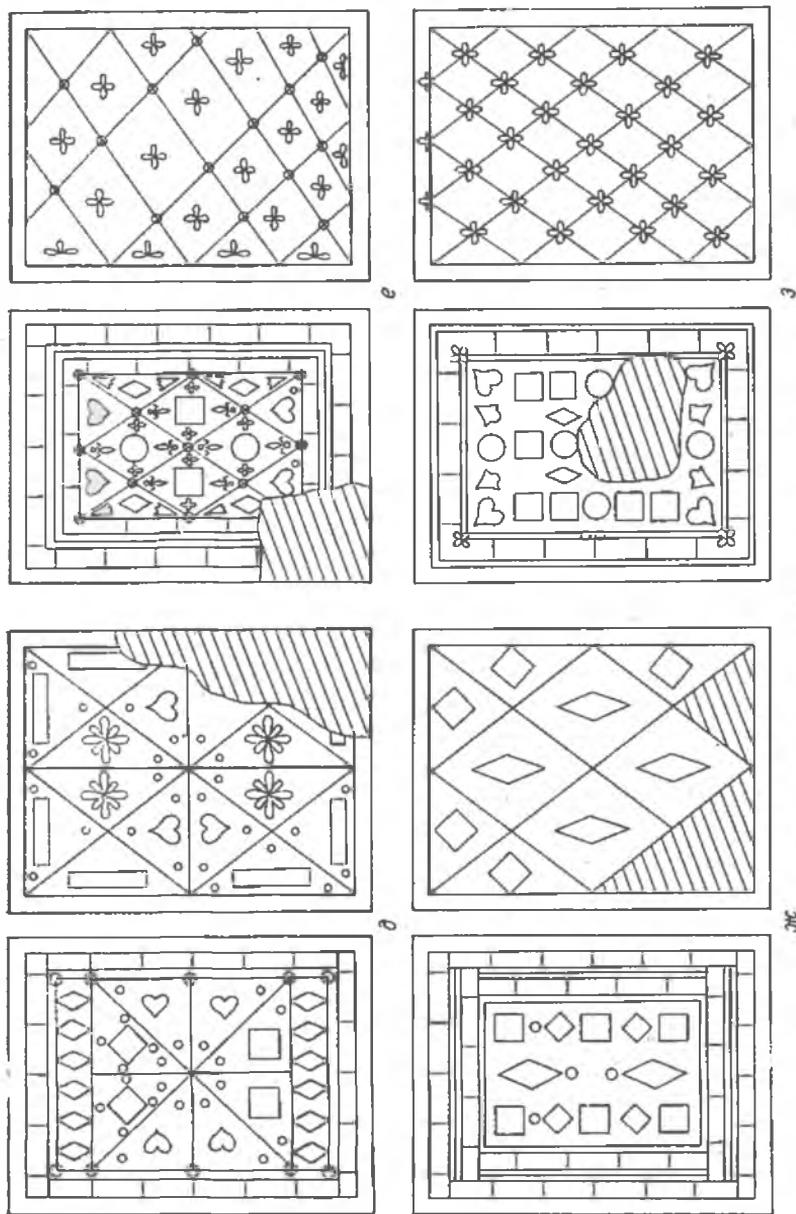

Рис. 1 (продолжение).

б — ЦГАДА, ф. 381, № 122 (XII в.); в — ЦГАДА, ф. 381, № 38 (кон. XIII — нач. XIV в.); ж — ГИД, Соф. 382 (кон. XIII — нач. XIV в.); з — ГИД, Соф. 382 (кон. XIII — нач. XIV в.);

Чтобы расширить поле наблюдений, мы сравнили с древнейшими тисненые переплеты рукописей ГПБ XIV в.: F.I.124, Погод. 30, Соф. 187, Погод. 27, Соф. 123, 125, 126, F.п.I.3, Соф. 128 (рис. 2). Не рассматривались новые и поновленные переплеты.¹²

Как и у древнейших переплетов, в XIV в. верхние крышки украшались иногда ромбическим тиснением, а иногда вертикальными рядами красивых штемпелей — басм, окруженных традиционным бордюром. Переплет рукописи Соф. 125 можно определить как смешанный тип.

Таким образом, рассмотренный нами материал не подтверждает теорию последовательной смены ромбического тиснения рамочным расположением басм. К аналогичному выводу о сосуществовании этих двух схем на новгородских переплетах XV в. мы пришли в предыдущей работе.¹³ Скорее всего планировка тисненых украшений на переплетах не может служить надежным датирующим признаком, хотя и может быть использована для определения происхождения рукописи.¹⁴ Необходимо также отказаться от представления о том, что тиснение появляется на русских переплетах не ранее конца XIV в. Это предположение возникло в связи с тем, что в основу системы С. А. Клепикова был положен недостаточно широкий материал. В основном изучались переплеты из собрания Троице-Сергиева монастыря (XV—XVIII вв.), в то время как собрание, сохранившее в своем составе большую часть новгородского рукописного наследия XII—XIV вв., Софийско-Новгородское собрание ГПБ, использовалось только для определения места возникновения типа.¹⁵ Механический перенос выводов, сделанных на позднем материале, и привел к тому, что почти все русские тисненые переплеты были определены составителями Сводного каталога как позднейшие.

Созданию более реалистической гипотезы об этапах бытования русского тисненого переплета помешало то, что С. А. Клепиков сопоставлял переплетный орнамент прежде всего с европейскими «романскими» образцами,¹⁶ а в южнославянских искал лишь прямые заимствования.¹⁷ Византийская традиция не учитывалась вовсе. Между тем искусство оформления кодексов пришло на Русь вместе с письменностью из Византии. Чтобы проследить пути его развития в отношении тисненого переплета, необходимо учесть греческие и южнославянские рукописи.

¹² F.п.IV.2, F.I.124, Погод. 30, Соф. 187, Погод. 27, 16, Соф. 123, 125, 126, F.п.I.3, Погод. 3, Соф. 60, 128. См.: Предварительный список славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. XIV в. // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 172—272. № 534, 662, 784, 832, 906, 960, 1105, 1108, 1107, 1179, 1184, 1187, 1204.

¹³ Шварц Е. М. Переплеты XV в. Софийско-Новгородской библиотеки // ВИД. Л., 1981. XII. С. 242—252.

¹⁴ Там же.; Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989. С. 30—61.

¹⁵ Клепиков С. А. Описание. . . С. 56.

¹⁶ Клепиков С. А. Орнаментальные украшения. . . С. 60 и след.

¹⁷ Клепиков С. А. Описание. . . С. 56.

Подлинных византийских переплетов интересующего нас типа сохранилось немало. Есть они и в ГПБ (рис. 3).¹⁸ Все они помимо характерного тиснения обладают основными признаками византийского переплета: крепление «зигзагом», шитье тетрадей «цепочкой», обрез досок вровень с блоком книги, гладкий корешок с округло выступающим над ним и под ним капталом.¹⁹

Близость русского переплета византийскому очевидна. Заметнее всего эта близость в способе украшения тех и других мелкими штампами — басмами, сходными и по форме (круглые, квадратные, ромбические и т. п.), и по сюжетам изображений (растительный, животный, геральдический орнаменты). Близки и схемы расположения этих басм на крышках: внутри ромбов и треугольников, образованных скрещивающимися прямыми линиями, или внутри прямоугольных полей, образованных рамками из бордюрных басм. Но для нас важнее структурное сходство. В конце концов доски готического европейского переплета, особенно раннего периода, также украшены мелкими тисненными штампами, весьма похожими на наши.²⁰ Более существенный признак сходства — гладкий корешок, свидетельствующий об особом «греческом — *grecuage*» способе шитья тетрадей, когда шнуры, связывающие блок с досками, утоплены в ромбовидных надрезах, специально для этого сделанных в сгибах тетрадей.²¹ Корешок готического переплета опознается по выпуклым «бинтам», образованным проходящими под кожей шнурами крепления. О родственной близости русского переплета византийскому говорит также особый вид каптала — «губочка», лента, чаще всего тонкий кожаный ремешок, покрытый кожей корешка и потому выступающий над блоком. «Губочка» справедливо рассматривалась С. А. Клепиковым как характернейшая черта русского переплета.²²

Византийское влияние заметно и на переплетах южнославянских рукописей.

В ленинградских хранилищах имеется 6 сербских и 7 болгарских рукописей XIII в. с переплетами интересующего нас типа.²³ Ни один из них, кроме переплета рукописи БАН, Никольск. 2, не вызвал у составителей Сводного каталога сомнений в их подлинности. Креп-

¹⁸ ГПБ, Греч. 58 (XI в.), 126 (кон. XV в.), 509 (XI в.), 675 (XIII—XIV вв.). К этому же типу относятся переплеты рукописей Греч. 108, 125, 516, 523, 528, 565, 591, но из-за сильной потертости кожи они не были включены в рассмотрение.

¹⁹ *Regemorter B. van. La reliure byzantine. Bruxelles, 1969. P. 114—129.*

²⁰ См., например: *Helwig H. Handbuch der Einbandkunde. Hamburg, 1955. Bd 2. S. 44—54.*

²¹ *Regemorter B. van. La reliure byzantine. P. 114—117.*

²² *Клепиков С. А. Описания. . . С. 54.*

²³ Гильф. 1 (185), ок. 1284 г., Серб.; Гильф. 32 (187), 1286 г., Серб.; Q.п.1.23 (192), 1-я пол. XIII в., Серб.; Археол. о-во, 338 (200), 1-я пол. XIII в., Болг.; Гильф. 17 (299), XIII в., Болг.; Гильф. 16 (332), 2-я пол. XIII в., Серб.; Гильф. 4 (351), 2-я пол. XIII в., Болг.; Погод. 8 (385), 2-я пол. XIII в., Болг.; Q.п.1.56 (392), 2-я пол. XIII в., Болг.; Q.п.1.48 (396), 2-я пол. XIII в., Серб.; F.п.1.102 (414), 2-я пол. XIII в., Болг.; БАН, Никольск. 2 (431), кон. XIII—нач. XIV в., Волг.; Гильф. 18 (449), кон. XIII—нач. XIV в., Серб. В круглых скобках — номера СК.

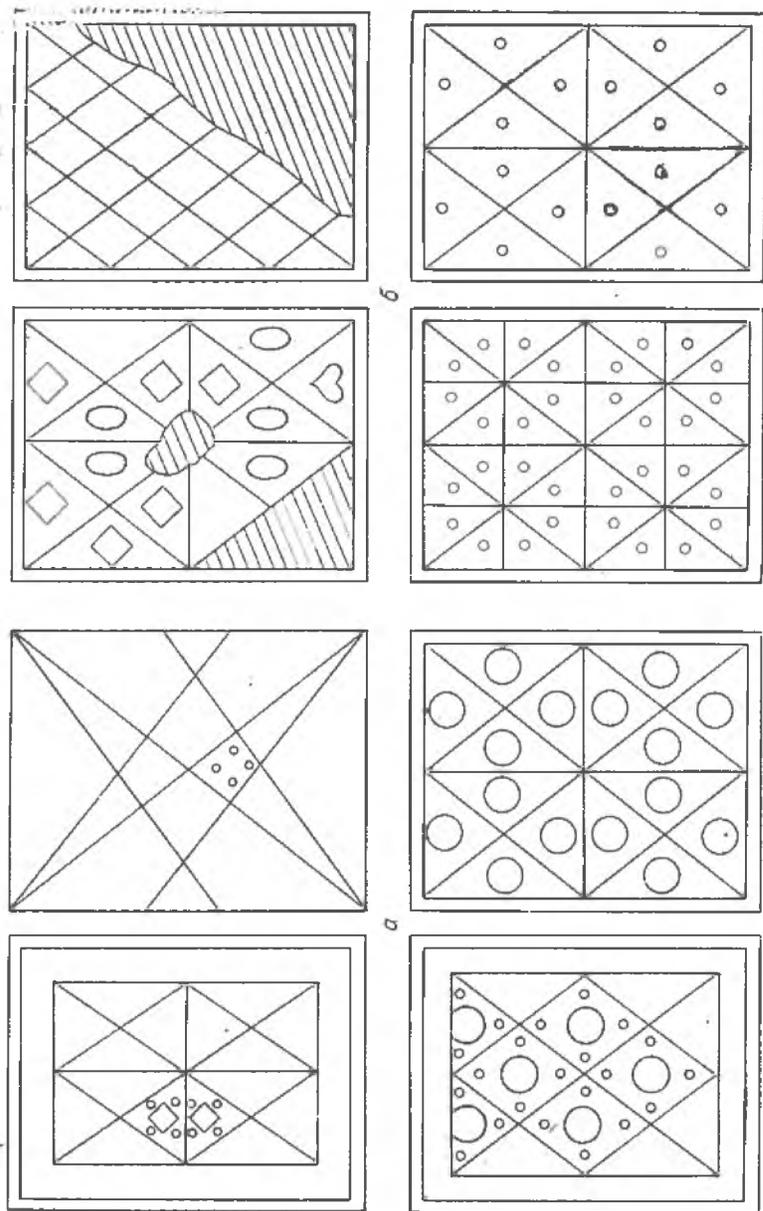
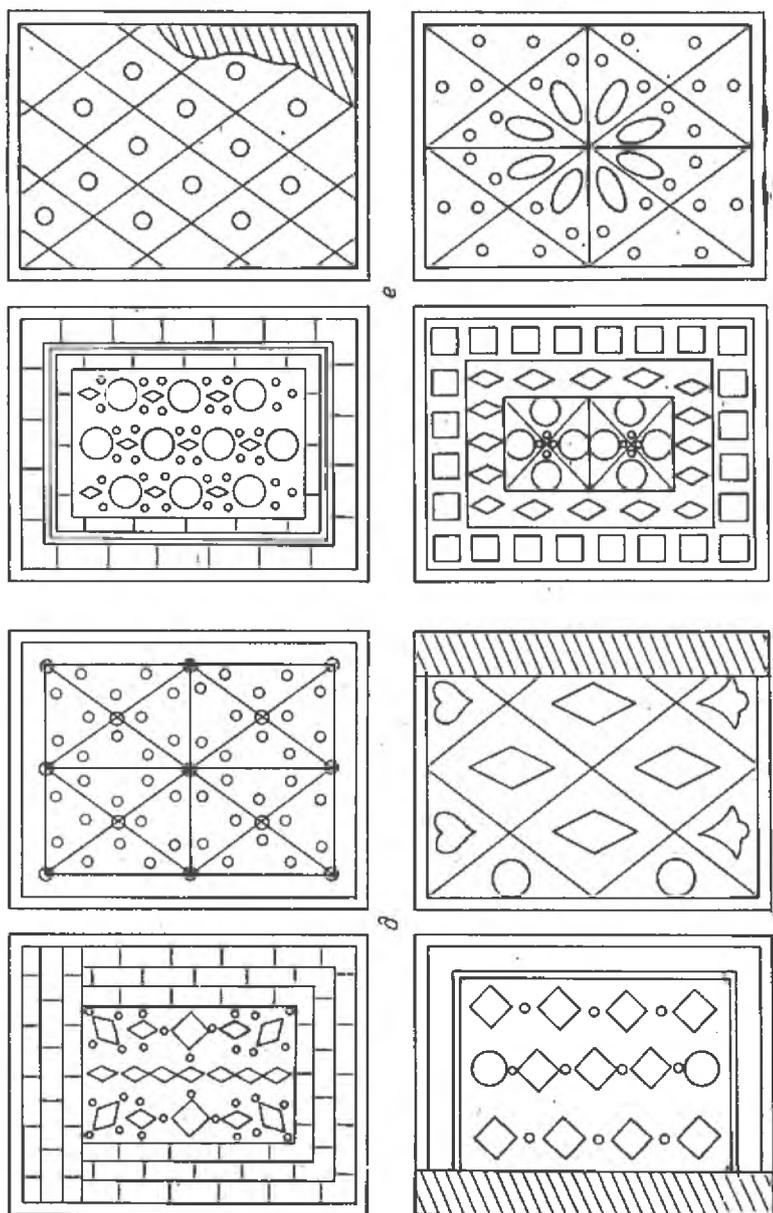

Рис. 2. Схемы тиснения русских перелетов XIV в. (ГПБ).
 а — F.I.124; б — Соф. 128; в — F.I.1.3; г — Соф. 128;

жс

Рис. 2 (продолжение).
 в — Погод. 30; е — Соф. 187; ж — Погод. 27; з — Соф. 125.

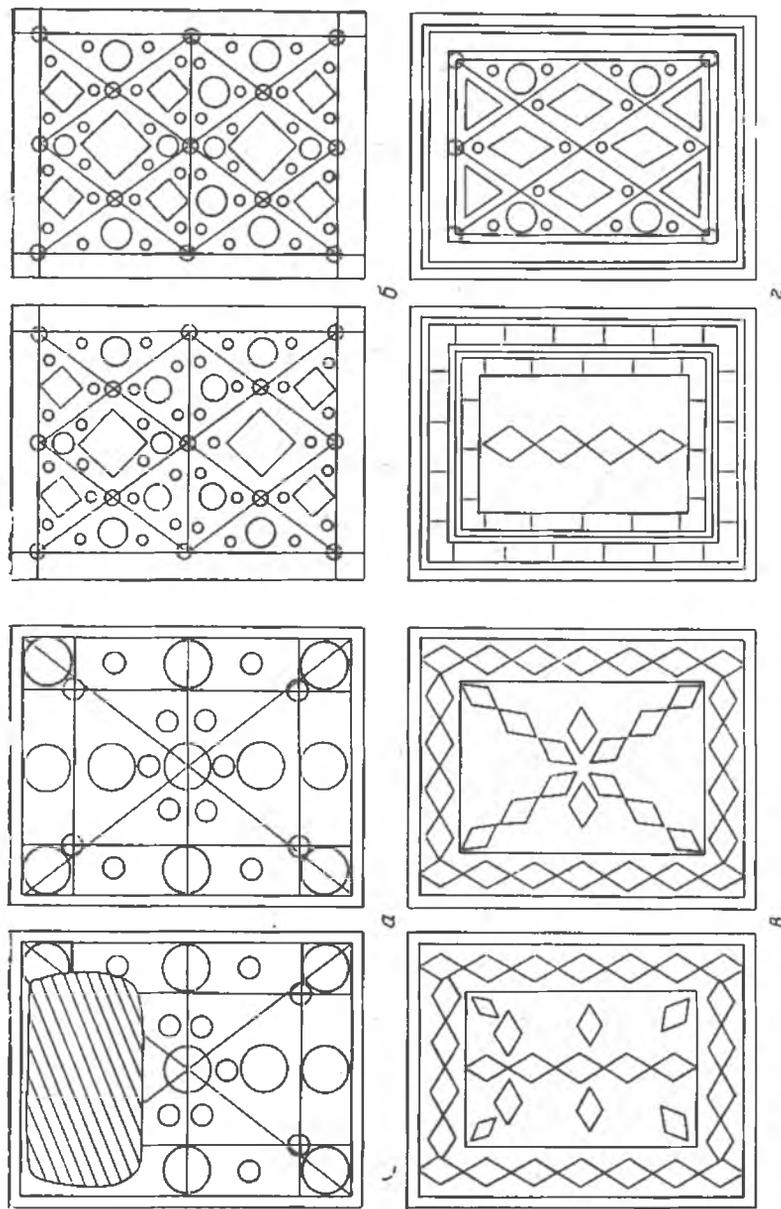

Рис. 3. Схемы тиснения византийских переплетов (ГПБ).

а — Греч. 509 (XI в.); б — Греч. 58 (XI в.), в — Греч. 675 (XIII—XIV в.); г — Греч. 126 (кон. XV в.).

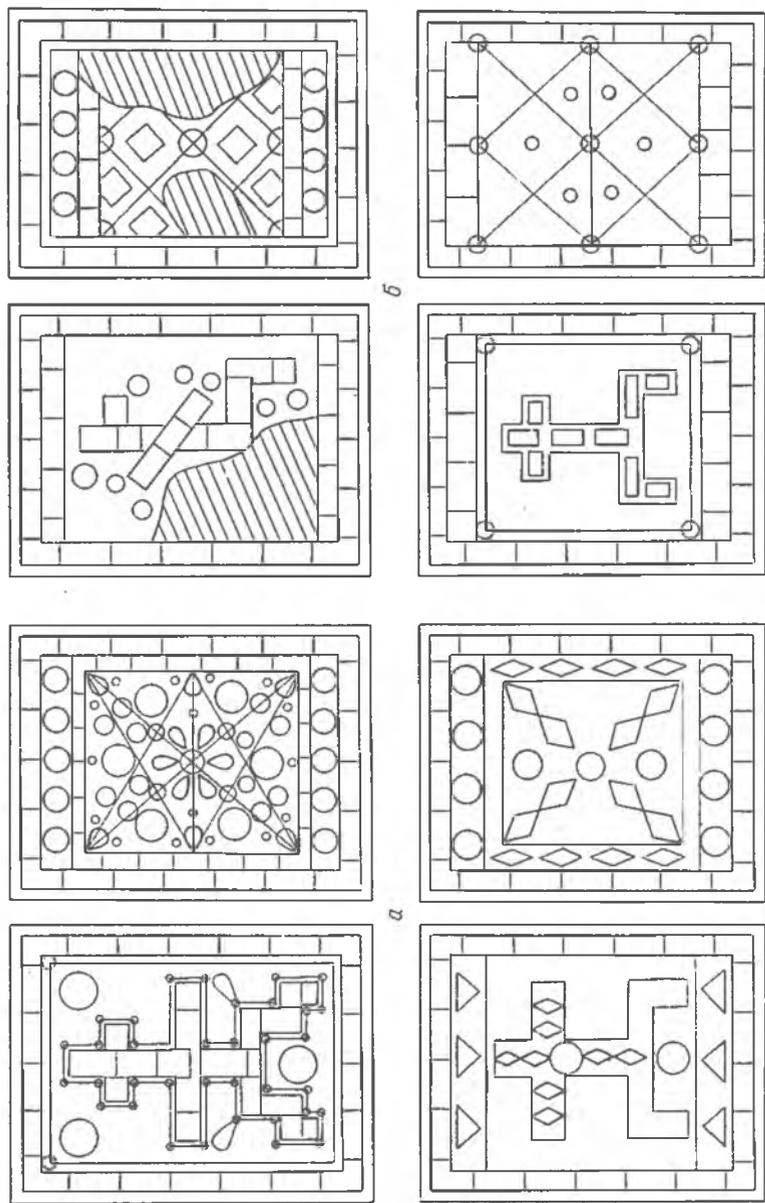

Рис. 4. Схемы тиснения южнославянских перелетов (евангелия, ГПБ).

а — Гильф. 1 (ок. 1284 г., Серб.); б — Гильф. 4 (втор. пол. XIII в., Болг.); в — Гильф. 2 (втор. пол. XIII в., Серб.); г — Гильф. 3 (втор. пол. XIII в., Серб.); д — Гильф. 4 (втор. пол. XIII в., Болг.); е — Гильф. 5 (втор. пол. XIII в., Серб.); ж — Гильф. 6 (втор. пол. XIII в., Серб.).

ление переплетов шнуровое, корешок гладкий. Благодаря трудам В. А. Мошина внешние и структурные особенности болгарских и македонских переплетов хорошо изучены, так же как и отразившееся на них взаимопроникновение греческой и славянской культур.²⁴ Между русскими и южнославянскими переплетами есть некоторые отличия в приемах тиснения на крышках. Считается, например, что русскому переплету не свойственно украшение по сирийскому образцу, распространенному и на Балканах, цепочкой басм, образующей рисунок восьмиконечного креста на ступеньчатом пьедестале.²⁵

Южнославянские рукописи, переплеты которых украшены крестом из тисненых басм, содержат евангелия или сборники, включающие евангельские тексты. В ГПБ таких рукописей пять: Гильф. 1, 4, 16, 18; Q.п.I.48 (рис. 4). Способ украшения евангелий регламентировался соборными правилами, это был вопрос веры, а не художественной моды.²⁶ Рассмотренные русские рукописи с тиснеными переплетами евангелиями не являются.²⁷ Поэтому, не располагая достаточным материалом для сравнения, мы предлагаем не делать окончательного вывода о том, что при тех тесных связях, которые существовали между русскими и южнославянскими, а также афонскими монастырями, этот способ украшения русских переплетов неизвестен.

Черта, позволяющая отличить русский переплет от любой разновидности византийского, — способ крепления, сочетание гладкого византийского корешка с европейским V-образным закреплением ремней-«бинтов» в пропилах досок. Предполагается, что эта черта косвенным образом указывает на существование разделения труда в переплетном деле: на мастеров орнамента оказали влияние византийские образцы, а на переплетчиков в собственном смысле слова — образцы нидерландские, попавшие в Новгород скорее всего из Брюгге посредством ганзейских связей.²⁸

Включение исследований русского переплета в русло наблюдений над византийскими и европейскими переплетами сулит исследователям наиболее плодотворные результаты. Они придают надежность выводам о самобытных чертах русского переплета и разрушают ошибочные представления, как в случае с переплетом, обтянутым свиной вывороткой — «ирхой». До сравнения с европейским каролингским переплетом его исконно русское происхождение не вызывало сомнений.²⁹

Сравнение русских переплетов с византийскими показывает на истоки происхождения типа, помогает уточнить критерии их дати-

²⁴ Mošin V. Les manuscrits du Musée national d'Ochrida // Recueil des travaux. Ohrid, 1967. P. 163—243.

²⁵ Regemorter B. van. La reliure byzantine. P. 134.

²⁶ Указание О. И. Подобедовой.

²⁷ Исключением служит Погод. 16 (Евангелие — апракос) (вторая половина XIV в.), тисненная кожа его переплета с украшением в виде креста врезана в поваленное покрытие. Является ли она фрагментом первоначальной обтяжки, судить затруднительно.

²⁸ Regemorter B. van. La reliure byzantine. P. 105.

²⁹ Клепиков С. А. Описания. . . С. 56.

ровки, устраняет ошибки в классификации переплетов по способу расположения тисненых украшений. Проясняются вопросы, казавшиеся до сих пор неразрешимыми, например происхождение желобков на торцах переплетных досок.³⁰ Они перешли на византийский переплет из коптского, доски которого состояли из двух склеенных дощечек, между которыми на торцах оставался небольшой зазор.³¹

Работа по сплошной проверке всех древнерусских рукописей для определения подлинности их переплетов еще только предстоит. Ей должна сопутствовать подготовка достаточно полного каталога басм. Обобщению полученных сведений несомненно будет способствовать представление о том, что древнерусская книгописная традиция была равноправной среди византийской и европейской традиций.

Я. С. ЛУРЬЕ

КАК УСТАНОВИЛАСЬ АВТОКЕФАЛИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В XV в.?

История назначения русскими епископами без благословения константинопольского патриарха митрополита Ионы и последовавшего после этого (вплоть до конца XVI в.) фактического разрыва русской церкви с патриархией во многом еще остается неясной и спорной.

Обычно в историографии ход этих событий изображался следующим образом. В 1430 г. умер митрополит Фотий, признававшийся как в Северо-Восточной (Московско-Владимирской и Новгородской), так и в Западной (Литовской) Руси. Своим преемником Фотий еще при жизни «нарек» на митрополию рязанского епископа Иону. Иона ездил в Константинополь, однако там патриарх назначил уже другого митрополита — грека Исидора, обещав сделать Иону митрополитом после Исидора. Но когда Исидор в 1437—1439 гг. поехал на Флорентийский собор и там признал унию с католической церковью и верховенство римского папы, он был в Москве низложен и заточен по повелению великого князя Василия II, затем бежал в Тверь, но и там был подвергнут заточению и вынужден был поэтому покинуть Русь. Василий писал византийскому императору и патриарху, объявляя о непризнании унии и прося назначить митрополита Иону, но неизвестно, успел ли отправить свои послания. В 1448 г. великий князь вынужден был решиться на поставление Ионы без санкции греческой церкви.

Так излагается история избрания Ионы почти во всей научной литературе, в частности в классических трудах по истории церкви митрополита Макария (М. П. Булгакова) и Е. Е. Голубинского.

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ *Regemorter B. van. La reliure byzantine. P. 103—104.*